

16+

Алина Менькова

Юность, Мурманск и журфак

Студенческие
зарисовки

Алина Менькова

Юность, Мурманск и журфак

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48562069

SelfPub; 2019

Аннотация

На факультете журналистики студенты всегда пишут – в перерывах между парами, по дороге до университета, дома на кровати, у друзей за беседой, в баре... на салфетках... Такой уж они народ – наблюдательный и вдохновленный. Это сборник моих эссе, а именно выполненных на курсе творческих заданий. Здесь размышления о любви, дружбе, студенчестве, северном городе, стране и многом другом. Наконец, собрала все в один текст. Надеюсь, в ваших сердцах что-то да отзовется.

О студенчестве

Только молодежь может победить коррупцию. Потому что именно она не знает ценности больших денег.

Студенческие годы... когда-то они казались такими ощутимыми – праздными, влекущими, полными приключений. Невероятно бесконечными. После окончания школы ты ворвался воронкой в большой город, в пыльную романтику съемной квартиры с просевшими стенами. Еще несовершеннолетним, но уже взрослым. Родительская опека осталась на телефонных проводах. А ты в полной недосыгаемости. Сам себе хозяин. Ты – студент. Да, возможно ты теперь живешь на одну только стипендию, приходишь ближе к семи и завариваешь бэпэшку, потому у тебя, что нет сил приготовить что-нибудь съедобное, да и времени тоже нет – завтра семинар. Да, возможно, ты до сих пор не повесил шторы, и твои окна по-прежнему открыты для глаз. И вероятно ты сегодня снова стрельнешь сигарету по дороге в институт, хотя позавчера ты выкинул новую пачку и купил отбеливающую пасту... Но ты юный. И все твои ошибки – это просто твой опыт. Таких, как ты, чудаков у нас в России 7 миллионов. Тысячи из них мечтают стать астрономами, биологами, бухгалтерами, переводчиками, экономистами, врачами, педагогами. И большинство верит, что в конце своего пути непременно окажется хорошим специалистом – тем, на кого будут равняться. Но пока мы учимся, у нас есть

свои кумиры. У студентов журфака они всегда остаются на виду – голосом в радиостанциях, авторскими программами на телевидении, отличительным стилем в печати. Пока ты студент, ты словно слепой котенок, двигаешься наугад, боишься неудач, непонимания, насмешек. Ты еще не знаешь, что ты станешь делать будучи выпускником вуза. Ты тешишь себя надеждами устроиться хорошо в жизни, хотя к третьему курсу неожиданно понимаешь, что в жизни многое решают связи. И твое место может занять не хороший специалист, а чей-то брат или друг. По официальной статистике из всех дипломированных журналистов по специальности удастся устроиться лишь 30 процентам, остальные же 70 остаются не удел. Но пока ты учишься, ты не думаешь об этом.

Студенчество – это крепкий кофе по утрам в большой кружке, без молока... Зевки между глотками. И два состояния – сна и желания спать. Студенчество – это затратная вечеринка в пятницу и макаронная диета всю следующую неделю. Студенчество – это первые серьезные отношения. Это твое становление.

Студенчество... Приходишь поступать с родителями, получаешь диплом, держа за руку жену или мужа. Это дрожащее сердце в гулком зале филармонии, где совершают трогательный ритуал посвящения в студенты. Ты теперь один из гильдии. Ты идешь к цели. Ты носишь новый статус. Здесь все серьезно. Все по желанию. Это твоя новая жизнь,

которую ты выбираешь сознательно.

На первом курсе ты безосновательно смел, и тебе ложно кажется, что тебе все по плечу. Но ты приходишь на телевидение, на ознакомительную практику, и твоя уверенность улетучивается, когда ты, к большому разочарованию, для себя читаешь громко вслух на телесуфлере подсказку для оператора «КРУПНЫЙ ПЛАН». Ты недоумеваешь и уже не можешь правильно удерживать педаль. Все смеются, но все же хвалят тебя за то, что ты вышел первый. В это самое время у тебя закладывается соревновательный дух. Ты начинаешь понимать: чтобы тебя заметили, нужно стараться. Нужно выделяться. Нужно правильно и красиво говорить, выработать свой стиль написания текстов.

Ко второму курсу тебя даже хвалят и аплодируют после прочтения каких-нибудь материалов. Ты начинаешь верить в себя, участвуешь в литературной конференции, но там не получаешь даже призового места. Почему? Наверно, выронил где-то голову. Любовь... она приходит как раз к этому времени. Начинаешь жить с кем-то, по крайней мере пробуешь, это отвлекает от учебы, но порой и идет на пользу – вдохновляет тебя на новые стихи. Ты все еще поэт в душе, у тебя по-прежнему есть выбор. Ты еще не связан узами брака. Продолжается твоя клубная жизнь. И даже иногда ты встречаешься с однокурсниками. Но чувствуешь разрозненность коллектива. Вас тридцать на курсе, но все общаются по пять-шесть человек. По интересам. И ты знаешь, что вы

соберетесь вместе лишь на выпускном, когда обстоятельства заставят. А пока вы ведете невидимую борьбу, результаты которой будет видно в конце года, когда вы сравниваете количество публикаций в портфолио. Кто-то принесет на защиту практики толстую папку с гордостью, некоторые даже с высокомерием. Другие придут с несколькими листочками в прозрачных файлах, застенчиво зажимая их подмышкой и завистливо озираясь по сторонам.

Ты продолжаешь с азартом посещать фотовыставки и даже начинаешь сам делать неплохие снимки. Но твоему преподавателю по фотоделу все же они не нравятся, и он снова приглашает тебя на праздник севера, чтобы ты «отснял чего-нибудь». Ты тщетно тратишь деньги на печать фото, но отличных кадров так и не получается. Но ты все еще надеешься. Так что макаронная диета продолжается. Ради искусства.

На третьем курсе ты вдруг понимаешь, что можно немножко передохнуть и не корпеть так упорно над конспектами, как первые два года. Ты знаешь известную всем истину – до экватора ты работаешь на зачетку, после – зачетка работает на тебя. И вот уже ты протягиваешь свою зачетку в форточку и зовешь так называемую «халяву». В глубине души ты не веришь в эту чушь, но делаешь, как все. Потому что, если получишь неуд, ты будешь обязательно винить зачетку,

а не себя, даже если ты не суеверный. А еще на третьем курсе, чаще всего на третьем, ты понимаешь, неожиданно, внезапно, что тебя очень волнует политика. Ты задумываешься над тем, в какой стране живешь. И как много у нее пороков. Начиная от повсеместной коррупции и заканчивая низкой демографией. Ты, правда, еще не умеешь приводить достойные аргументы, поэтому не вступаешь в отчаянные споры с однокурсниками. Ты видишь плохое только во власти и не допускаешь мысли, что каждый из нас попускает эти пороки. Твои тексты становятся более обстоятельными. Это уже не просто эссе о том, в каком СМИ ты будешь работать, когда закончишь. Это анализ, ретроспектива, дедукция. Ты даже уверен, что тебе под силу написать самостоятельно курсовую. И тебе это даже интересно. Когда ты до сих пор никому не признался, что на втором курсе за практическую часть курсовой ты заплатил...

На четвертом курсе тебя уже мало интересует институт, ты думаешь, что если перешагнул экватор, то тебя не отчислят. И действительно, ты видишь это на примере однокурсников-прогульщиков, которых все равно оставляют до последнего, давая шанс закрыть хвосты. Вуз-то негосударственный. Ты все больше уходишь в работу. Носишь материалы по редакциям, суетишься, куда-то бежишь, не успевая пообедать, откладываешь деньги на фотоаппарат, но потом тратишь их на свою девушку, когда она начинает каприз-

ничать, намекая на то, что вы давно не ходили в клуб или в кино. Хотя, положив руку на сердце, ты уже довольно «отклубился», и все чаще тебе хочется просто вкусно поужинать, принять ванну и, наконец, выспаться. Зато твои достижения замечают родители и начинают верить, что не зря платят больше двадцати тысяч за семестр. Некоторые из твоих однокурсников обучаются в Норвегии или Финляндии. И тебе, конечно, завидно. Но ты понимаешь, что как бы не трудился, английский тебе не по зубам. И твое произношение не поймет даже русский. Так что в который год в программу обмена студентами ты так и не попадаешь. Но ты говоришь себе, что у тебя и так много дел, здесь, в России...

На пятом курсе тебе становится смешно, что ты когда-то мог не спать, волнуясь перед каким-то зачетом, когда ты уже пережил «госы». У тебя появляются любимые преподаватели. Те люди, без которых ты бы не стал тем, кто ты есть. А других ты видишь насквозь. Фальшь, лицемерие. Пятый курс – это конечная точка, где становится все понятно. Тебе предлагают десять тысяч в редакции, когда твой знакомый получает тридцать продавцом в «Ранчо». Но ты же знаешь, что там выше тридцати не прыгнешь, а работая по специальности, ты когда-нибудь можешь стать главным редактором. И даже открыть свое СМИ. Но это потом... А сейчас ты держишь в руках заветный диплом, синий, а не красный. Потому что до красного не хватило исправить пару троек. Но эти тройки по техническим дисциплинам и тебе просто

лень снова напрягаться. Ты и так выжат, и хочешь скорее уехать на юг. Ведь это твои последние каникулы в жизни. И пока ты внештатник, ты можешь позволить себе отдыхать более 52 суток. И даже те, кто отчаянно пересдают свои неуды, не пробуждают в тебе рвения что-либо исправить. Получая этот долгожданный диплом, ты радуешься, облегченно вздыхаешь, и тебе кажется, что все... «отстрелялся», что это конец пути. Но это только начало... Начало большой дороги в твою профессию.

О времени

Кто понял жизнь тот больше не спешит,
Смакует каждый миг и наблюдает,
Как спит ребёнок, молится старик,
Как дождь идёт и как снежинки тают.
Омар Хайям

Городской автобус. Гулкий звон голосов, скрежет монет, кашель и вздохи. В неудобные кресла опустились две девушки – совсем молодые, даже юные. Им по 17, 18 лет. Боже, их лица – прекрасны! Как спелые наливные яблоки!

Канун Нового года. И у них, видимо, удивительные планы на грядущую неделю и рождественские праздники. Одеты в спортивные костюмы. Возможно, их ждет лыжный уикенд! Говорят о парнях. Улыбаются, их улыбки искренни

и женственны, их жизни не обременены никакими проблемами. Проблема взрослых. Они не страдают от неудачного замужества, изматывающей работы, тесного логова квартиры, обманчивых надежд на отдых за границей. У них есть «СЕГОДНЯ» – яркое, солнечное, чавкающее эмоциями. И не без разочарований... но легкомысленных, не фатальных. Они верят в любовь, даже отрицая ее. У них – белая кожа, нежная, тонкая, без морщин, прыщей и отеков. Блестящие, яркие-яркие глаза, живые, горящие. Горящие и говорящие. О том, что их жизнь впереди! И они возложили на нее много-много желанного! Они верят, что все просто – наивные. Но в их наивности исчерпывающая жадная привлекательность для мужчин. Нет никакого жизненного багажа! Чертовски радостны, заливисто смеются. Они так счастливы, они так молоды! И так красивы. Украшены кистью жизни. Ведь жизнь – обратная монета твоего отношения к ней.

На следующей остановке в автобус взбираются, тяжело дыша, словно на Эльбрус, две пожилые дамы. Они, конечно, уже не так красивы. Их веки опущены, лица покрыты волнами морщин, голоса не так остры. Но одеты и покрашены они со вкусом. Иные темы для разговоров, другое мышление, разные воспоминания и ощущения. Но, подумайте, сколько, сколько жизни в жизни? Между этой и той? Между нашими 17-ю и нашими 60—ю? Действительно ли мы постарели? Или это только тело, тело неизбежно становится дряблым, слабым, ленивым? Почему нет в нас той юношеской наивно-

сти, того юношеского максимализма, тех бесполезных мечтаний, грандиозных планов, той веры в людей, той охватывающей щиколотки страсти от скорого поцелуя перед дверями парадной? Мы так быстро стареем, мы так мало живем...

Когда-то мы были молодыми

Юность сама по себе уже поэзия жизни, и в юности каждый бывает лучше, нежели в остальное время жизни.

Виссарион Григорьевич Белинский

Сегодня у меня было четыре пары. Но я не чувствую себя уставшей, ведь завтра долгожданное воскресенье. Помню самые первые выходные, проведенные в Мурманске. Мы впервые не поехали к родителям, а пошли в областную библиотеку, не за книгами, как положено первокурсникам, а на экскурсию. Я потянула Юльку с Максом туда. Стоял солнечный сентябрьский день. Такой ветряный, сухой и ароматный. Осень на севере непередаваемо прекрасна, разноцветна, благоуханна. Да и нас в то время радовало все – от отличной погоды до бродячей дворняжки...

Сегодня у меня было четыре пары. Откуда-то появляются силы на отдых. Для студента хороший отдых – это наличие здоровых почек, хотя бы пяти свободных сотен в кармане и конечно, любимые друзья. Мой отдых редко проходил в ночных клубах, 3-4 раза в учебный год, почему-то чаще не получалось. Остальные выходные я проводила на домашних

посиделках. И это правда было прекрасное время – у лучшей подруги Ольки в большой компании друзей, с друзьями своих парней (за время студенчества понятно, что их было достаточно) или с Юлькой дома с сигареткой, роллами и душевной беседой.

Сегодня я захожу тихонько, я знаю, она спит... Она часто спала днем. Так и есть... Сажусь перед ней на пол, чтобы посмотреть, как она спит. Хочется разбудить ее немедленно, ведь у меня за день столько всего произошло – как тут удержаться? Я вздыхаю. «Ой, неужели!», «Вот дела!».

– Да рассказывай уже! – улыбается моя Юлька и садится сонная на кровать.

Юлька – моя соседка по квартире, которую мы вместе снимаем... моя самая близкая подруга, как-никак живем вместе, знаем друг о друге столько, сколько мамы наши не знают... Мы встретились впервые еще в Гаджиево. Нас познакомил мой бывший парень Витя. Единственное, за что ему можно сказать спасибо. Жить вместе стали случайно... но теперь...

Вместе ужинаем, вместе готовимся к зачетам, вместе вставем по утрам, вместе засыпаем. Делимся друг с другом шмотками, косметикой. Помню, однажды мы перепутали гель и молочко для тела, которые обе заказали в «Эйвоне». Мне повезло больше – я всего лишь помылась молочком, и собой разницы не заметила, а вот Юльке пришлось долго смывать с тела пенистый гель для душа. Он надолго впитался в кожу.

Мы делили все пополам – успехи, начинания, пережива-

ния. Юлька долгое время встречалась с Максимом, и никак не могла с ним расстаться, все-таки они были вместе шесть лет. Я до встречи с мужем была не из святош. Юлька только успевала привыкнуть к моему новому парню, как появлялся следующий. Но зато есть что вспомнить, с чем сравнить. Вы, знаете, а ведь это правда, что все познается в сравнении. Особенно время. Пройдет еще лет десять, будем вспоминать, какими были забавными наши дети, какие задавали вопросы, как смешили и радовали нас и как сейчас они невыносимы в своем пубертанте.

В студенчестве мы были так наивны, романтичны! Мы любили просто жить, просто кофе по утрам, просто накраситься поярче, просто прогулки перед сном в новых кедах. А еще мы любили суши. Сколько денег мы потратили на них. Думаю, на них уже можно было бы купить б/у автомобиль отечественной марки. Первый раз я их попробовала в кафе «Токио». Там я приняла за суши с подсказки Юльки влажную салфетку, сложенную колбаской. И даже стала ее резать, придерживая вилочкой. Вот Юлька смеялась! Разыграла меня. Мы еще долго вспоминали этот вечер.

Мы ходили друг к другу в институт. Сидели на парах, слушали лекции. Это было крайне забавно, наблюдать в жизни тех людей, о которых до этого только слышал. Вместе смеяться над ними, по-доброму. Вы не думайте, мы не были девочки-подружки, не разлей вода. Мы ссорились очень часто, обижались, завидовали, соперничали. К чему скрывать? Я

хотела большую грудь, Юля хотела сбросить пару килограммов. У нее был внушительный гардероб. В одном огромном ящичке вещи для 52 килограммов, в другом – для 54-х... А я только худела, если худела – на мне тупо просто все висело... Мне хотелось стабильных серьезных отношений, как у Юли, Юле хотелось свиданий, как у меня. Я была ужасной лоботряской, даже не убирала пыль под своей кроватью. Юля убиралась за нас обеих. А я нет, чтоб поддерживать чистоту, еще везде свинячила. У меня пыль чернела под кроватью. Честно говоря, я и сейчас не отличаюсь чистыми полами. Меня бесило, что Юлька не читает художественных книг. Но и важно ли это, «зачем мне читать чужие мысли?» – говорила она. Как-то мы все-таки прочли вместе книгу. Это была «Чернобыльская молитва» Светланы Алексеевич. Обе плакали навзрыд. Книга пронзает насквозь – такая она настоящая. Но это и не была художественная книга. Документалистика. Потом Юлька по моему совету читала художественную книгу – «Маленького принца» и ей тоже очень понравилось. Так что возможно вскоре научные труды известных экономистов на ее письменном столе она бы заменила душевными книгами классиков, кто знает.

Юлька была логичной, целеустремленной, с математическим складом ума. Училась на менеджера, управленца. И без книжных романов, окончила институт с красным дипломом, любила учиться, была старостой в группе, педантичной, ответственной. Пропускала пары только по уважи-

тельным причинам. Я слыла творческой натурой, училась на журналиста, витала в облаках, писала стихи и танцевала перед зеркалом. Юлька была моим слушателем и критиком. Могла вообще не приходить на пары по субботам, только потому что хотела выспаться...или пойти в библиотеку к своему парню Сашке. Он открыл для меня новых авторов, режиссеров, всегда умел находить даже в самом печальном событии что-то смешное. Романтические отношения у нас не выдержали больше полугода, зато мы продолжили дружить. И кто говорит, что дружбы после любви не бывает? Все мои романы наблюдала Юлька, они ее сместили, изумляли, вызывали неподдельный интерес. Ведь после каждого моего приключения на свет рождались новые стихи или рассказы.

Под маской скептицизма в Юльке пряталась сентиментальная душа. Она очень любила родителей. Все праздники она старалась отметить в кругу семьи. Юля была хитрой, не скрою. Но хитрость в жизни только помогает. Женщина должна быть хитрой. С хитростью в Юльке уживалась и доброта. Максим был из обеспеченной семьи, не скупился на подарки. Для студенток, которые выживают в большом городе, очень важно иметь рядом парня, который всегда поможет материально. У меня такого парня тогда не было – не повезло... Так что дорогие подарки приходилось покупать себе самой... Но на парфюм я уж точно не тратилась. До того, как моя мама занялась косметикой Ламбре, Юлька часто дарила мне духи. У нее их было очень много – Макс старал-

ся, а наши вкусы в ароматах часто не совпадали. Юлька люблю сладкие, фруктовые, а я свежие и терпкие. А ее парень, видимо, так и не изучил ее предпочтения за столько лет отношений.

Мои друзья постоянно интересовались Юлькой. Они не понимали – как мы, такие разные, можем жить вместе? Юлька любила смотреть клипы, я любила слушать музыку. Врубить рок так, чтоб стены дрожали. Юлька ругалась и поэтому потом мы сменили однокомнатную квартиру на двухкомнатную... Юля умела готовить, а я лишь разогревала мамину еду. Она бережно гладила одежду, собирала ее на завтрашний день с вечера, развешивала на стуле, а я одевала то, что увижу первым в шкафу. Зачастую это были мини и какие-нибудь яркие колготки. Или того хуже – чулки. Как следствие – хронический цистит. Девочки, не повторяйте моих ошибок...

Юлька сначала делала макияж, а потом одевалась, а я наоборот. Юлька постоянно меняла цвет волос, я всегда была брюнеткой. Она одевалась со вкусом, а я чтобы привлечь внимание. Неважно три цвета в комплекте одежды, или пять. «Светофор!» – называла меня Юлька. Много-много таких различий, всего уж не упомнишь. Юлька превосходно рисовала, я неплохо писала. Потом мы незаметно стали превращаться друг в друга. Каждая научила чему-то другую. Мы обе были красивы, молоды и жизнерадостны. Чтобы с нами не случилось! Как-то я стала свидетельницей акта эгсбицио-

низма прямо в 10-ом автобусе на соседнем кресле, а Юльку однажды обворовали прямо на улице у дома. Это была Роста. Роста-Вегас – так называлось казино на нашей остановке. Вегасом там и не пахло, а вот криминалом точно. По слухам Роста – самый опасный район Мурманска.

Потом я решила съехать на другую квартиру. Мы поругались с хозяйкой квартиры. И новую я нашла за день совсем случайно. Встретилась на лестнице с преподавательницей по физкультуре. Она как раз в этот день объявление в институте повесила, искала квартирантов.

– Ты мне стала как младшая сестра! Не уезжай! – плакала Юлька.

И я плакала. Мы действительно породнились за те два года.

Боже, Юлька, я так рада, что ты стала снова жить со мной. Представляю, что бы было если бы я жила с Н. Ее уже через месяц увезли в психбольницу. А через полгода она меня вообще не узнала. Или сделала вид... Юлька даже не видела квартиры, но в день моего отъезда, мгновенно собрала вещи. Позвонила папе, он уже через пару часов приехал на Камазе и забрал нас с ценным грузом из двух кроватей, холодильника и телевизора и перевез в двухкомнатную квартиру на залитую зеленью улицу Ивченко.

Мы переехали в двушку. Нам необходимо было сделать. Каждой нужно было свое пространство. Ведь, чтобы заняться сексом одной со своим парнем, другой надо было торчать

в туалете. А это было иногда не очень удобно. Особенно перед зачетами. У меня тоже появился компьютер, мы все чаще стали собираться вместе и смотреть «Друзей». До этого все фильмы мы смотрели на Юлькином ноуте, первые клипы (свое недолгое хобби) я делала тоже на ее ноутбуке. Через время Юлин Макс снял квартиру, и Юлька все меньше времени стала проводить со мной. А потом и вовсе переехала к нему. После в моей жизни появился любимый Сережа, потом я вышла замуж. Юлька нашла в себе силы уйти, наконец, от Макса. А, когда узнала, что я беременна, съехала...навсегда...и стала жить с одноклассницей Y. Через полгода к ней приехал парень из Камышина. Юльку накрыла любовь с головой. И они снимали другую двухкомнатную квартиру втроем, но уже без меня...

Я так боялась, что мы разведемся из-за большой ссоры. И я счастлива, что все случилось именно так. Я сильно ревновала Юлю к Y. Ведь по идее Юля оставила меня с парнем, а я «отдала» ее другой девчонке. В глубине души я так хотела, чтобы у нее не сложилось взаимопонимания с Y. Чтобы лучшей соседки в ее жизни не было. Юлька рассказывала, что Y – дебоширка еще та. Собирала толпу, курила травку. И что со мной ей жилось лучше... Вот так бальзам на душу.

– Я влюбилась! – сообщаю я Юльке, сидя на ее пушистом ковре в однокомнатной квартире на улицы Нахимова. – Короче, его зовут Макс, сегодня я планирую написать ему сообщение. А завтра поеду к Юсову на квартиру. Они там все

соберутся. Знаешь, как он представился: «Очень приятно, Царь!». Его фамилия Царь, прикинь. Он короче учится...

– Пойдем покурим и расскажешь, – Юлька включает СТС, там скоро начнется «Моя прекрасная няня».

– У меня нечего, – как всегда, я развожу руками.

– Я тебе дам. Ты хлеб купила?

– Черт, забыла. Давай суши закажем.

Мы проходим в ванную комнату.

– Давай. Только я газету не могу найти. Макс выкинул, по-моему. Придется звонить.

– Я новый стих написала на парах. Прикинь, сегодня Троценко видела... Это пипец, она ко мне подошла, она читала мои стихи, ну те, что в газете! Говорит, что они на Шекспира похожи. А, и еще, ты не против, если ко мне Аня с Сюзанной в пятницу придут?

– Я не успеваю не тороторь! Пусть приходят. Потом прочтешь.

– Нет, я сейчас хочу, – я убегаю за блокнотом.

– Вика с Дэном поссорились. Как пить дать, он ей не пара. Маленький еще, только школу закончил. Говорю ей это, она меня не слышит! Яновский сегодня опять приставал. Сколько можно? Непонятливый такой. Медом что ли я намазана? Липнут, как пчелы! – кричит мне вслед Юлька.

Я прибегаю с блокнотом.

– А, кстати – сегодня опять пришла на фотожурналистику с кипой распечатанных фоток к Александру Михайловичу,

ждала хотя бы одобрительного взгляда, а он мне...

– «Можешь лучше, Алина!» – продолжает Юлька за меня, и мы смеемся.

– Завтра поедем на праздник Севера оленей фоткать! Может, там шедевр создам и он меня похвалит! А еще попозируете мне с Максом на тему любви? Надо портреты.

Юлька кивает, садится на закрытый унитаз, подворачивает под себя ногу. Закуривает. Мы начинали с Вок, потом перешли на Эссе. Теперь курим Гламур. Обожаю ее кукольное личико, ее зеленые глаза, ее бардовые скулы, маленький рот. Она стряхивает указательным пальцем пепел в раковину, но при этом приподнимает мизинец. Вижу на нем кокетливую маленькую родинку. Аккуратный французский маникюр, никаких отросших кутикул, красивые мягкие руки. Это Юлька научила меня следить за маникюром, раньше мне на это было наплевать. Юлька научила меня быть вкусной для мужчин, я ее – разной.

Иногда на улицах Краснодара мне кажешься ты... Среди прохожих я вижу девушку с каштановыми прямыми волосами, в облегающей бедра юбке, на шпильках с небольшой яркой сумочкой, в короткой шубке, с подведенными белым карандашом уголками глаз, со сладким ароматом земляники от ее тела... Но это не ты... Это чья-то подруга, соседка, которая проживает студенчество сейчас. Наше уже позади... Его никогда не вернуть.

Прошло уже десять лет, но я знаю, что мы, ни на дюйм

не отдалились друг от друга... мы все те же молодые девчонки... любящие моду и литературу, спорт и музыку, учебу и развлечения... Только нам уже не девятнадцать, и даже не двадцать. Я стала мамой, пришлось научиться готовить, убирать. И, когда Сережа с детьми разбрасывают где ни попадя свои вещи, я понимаю, каково было тебе... И ты, наверно, тоже в чем-то изменилась... Но кем бы ни стали, чтобы не случилось, то, что мы пережили вместе навсегда останется для нас обеих теплым и добрым воспоминанием нашей юности...

О северном городе

Чем больше город, тем сильнее одиночество. Евгений Гришковец

Иду по сырому рыхлому снегу. В четко продуманном направлении. А снег до мягкой кашицы рыхлый-рыхлый, что засасывает ступни. Иду по городу – шумному, мобильному, молодому. Он дикий и одинокий, как ковбой. Афиша. Фонарь. Рекламный щит с гигантскими буквами. Разноцветные кубики окон. Натыкаюсь на стенд. Поднимаю голову. Американские лозунги рекламы. Ловлю. Ищу. Что-то знакомое – кафе «ЮНОСТЬ». Люди в шарфах и с сигаретами. Трещат. Суетятся. Город... Темные ультрамариновые фигуры, спешащие, уходящие, плывущие. Они не могут остановиться. Нет ни одной свободной минуты. Сажусь в тесный кло-

кот троллейбуса. Еду. Куда? Как и все. По делам. Влипли по шею в заботы. Клац...

– Следующая остановка – улица капитана Александра Егорова.

Дребезжит, хлопает, плетется троллейбус под номером шесть... едет в темень гула. Надрывается, чихает на кочках. Пищит мобильный. Мужчина в кожаном плаще ныряет в кейс рукой.

– Черт, Вадик! Тачка сегодня в ремонте, с тормозами хрень какая-то. Я тебе еще звякну, когда выйду из этого во-нючего тралика! Едрень-мать! Ага. Давай!

Все искусственно. Все куплено. Мультимиллионеры... Умеют разрушать, но не умеют просто трогать. Шелестящий поток вываливается из троллейбуса. Выхожу. Упираюсь коленками в инвалидную коляску.

– Подайте копеечку! – глядит на меня сморщенное корявое лицо старика. Мультимиллионеры и нищие... Цивилизация. Иду дальше – ветер не дает пройти, встает каменным горизонтом, кистями гладит мои щиколотки. Ларек. Мальчишка лет семи расплачивается за пиво. Но по закону не должны продавать алкоголь детям! Тут нет законов... Он прямо у кассы открывает пластиковую емкость, делает жадные большие глотки. Северная окраина России. Такой же, как и сотни других. Мой город... Иду. Горизонталь пути рвется. Снова нахальный язык ветра, шершавый и колючий, лижет мои глаза. Смотрю... у Областного театра дерутся пьяные подрост-

ки. Через пару часов, вон за тем углом, у суши-бара снимут гламурных девочек в белых чулочках. Хорошо, если только снимут. А, может, напоят «Столичной» и убьют. Это правда. Правда, рефреном. Ловят кайф в клубе «ПИЛОТ». Кайф, что тело выворачивает и кидает на иглу, на самое заточенное острие. Потом в могилу, с такой же скоростью и силой удара.

Город-сказка... Нет вечности, мы в городе... Нам не понять вечности. Почему? Да потому, что наша с вами жизнь ограничена. Рождением и смертью. И еще УК РФ. А для кого-то нет... Живет же. Возможно, дольше, чем кто-либо из нас. Из нас... А кто мы? В этом мертвом городе?! Убогом, напичканном пороками. Каждый порок, как воспаление на коже. Настоящее, сегодняшнее...

Двигаюсь дальше... Пошел снег. На манто. На рукава. На желтые худые пальцы. Закостенели. Играем в игры Бёрна*. Искусные флористы, надменные писатели, менеджеры в очках на симпозиумах. Какой у нас жизненный сценарий? О, «ГЛОБУС»! Надо зайти. Купить блокнот. Завтра снова гости-журналисты. Расскажут о своей болезненно стремительной жизни. Закрыто. Уже восемь. Тихо. Страшно тихо. Бывает, будто город выпадает из плотного графика времени, словно он находится в клинической смерти. Небо черное, как смола. Пахнет инеем. Скоро Новый год. Заблещут огоньки сеток в деревьях. Замокнутый круг. Повтор. Город заснет, ляжет на снежное одеяло дорог, накроется сине-черным куполом неба. Так было. Есть. Будет. Девушка на балконе. Ку-

рит. Плачет. Дернулась. Пьяна и больна. Собралась прыгать. Вниз. Город... До чего ж довел?! Перекресток. Несколько поворотов. Мчащаяся серебристая «ТОУОТА» около «ДЕТСКОГО МИРА» сбивает котенка... насмерть. Оборачиваюсь. На доме написано «ГОРОД-ГЕРОЙ МУРМАНСК». Не вижу, но знаю. Где же твой героизм, город, где? Его забыли. Все заняты переработкой отходов отвратной Америки. Мурманск, милый, родной, встань с колен. Мне стыдно...

*Эрик Бёрн – американский психолог и психиатр. Одна из его книг называется: «Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры».

О городском транспорте

Мы без конца ругаем товарища Сталина, и, разумеется, за дело. И все же я хочу спросить – кто написал четыре миллиона доносов?

Сергей Довлатов

Мурманск – шумный ледяной остров. «Кусочек Финляндии», воспоминание «Норвегии»... Мой город юности, мой свет, мой смех...

Вернулась в Росту*, сняла жилье в том же доме, где когда-то на первом курсе знакомилась с городом. И охватила меня такая пронзительная ностальгия. Вот когда приезжаешь в новый город, сразу нелепости цепляются на тебя, как микробы, и ты им искренне удивляешься. Стала вспоминать,

как все начиналось и – смеяться...

Расскажу о нескольких из них. Больше всего меня поразили автобусы «10-тки». Знаете, вот сейчас езжу на троллейбусах и все статично, без приключений. А там, там жизнь просто кипит. Может, потому что пенсионеров и «опустившихся» в них больше. Вваливается однажды в такую вот «10-тку» в полдевятого утра хорошенько «принявший на грудь» мужчина, показывает проездной. Кондуктор останавливает автобус и кричит на весь салон: «Вы показываете питерский проездной! Вы бы мне еще из Чунга-Чанга проездной предъявили!» И почему иностранцы называют русских пьющими?

Или зашел как-то в автобус характерный маргинал с сигаретой, потом изумился, что забыл ее выкинуть и кинул прямо под ноги кому-то из сидящих. Порой меня поражает русская невоспитанность, а потом мы бьем в грудь и выкрикиваем: «В Финляндии так чисто...» А однажды, не поверите, сам пассажир полез в драку с водителем. Автобус встал из-за аварии на дороге. И водитель объявил, что пока не уладится ситуация, мы никуда не двинемся с места. Тогда мужчина довольно больших габаритов пролез через дверь водительского салона и откровенно стал матюгаться, закончив свою речь угрозой: «Ты меня еще до Турции довезешь, скотина!». Великий могучий русский язык. Но зачастую мы русские на нем не говорим...

В этот же день по дороге обратно напротив моего сидения уселась прилично одетая девушка, в одной руке держит руку

своего молодого человека, в другой – банку открытого пива. Хотя мы все прекрасно слышим объявление в автобусе: «запрещается распивать спиртные напитки и другие напитки, содержащие алкоголь». Но же из чувства противоречия всегда стремимся плевать на правила. Это для нас условность. Но кондуктор отдает этой девушке билетик и равнодушно идет дальше по салону. Смею предположить, что контролер уже побывал в этом автобусе. Девушка собирается выходить, наклоняется вперед, а потом громко и смачно рыгает. Я не вру, честное слово. Прямо в десяти сантиметрах от моего лица. Потом улыбается и произносит, еле связывая звуки в одно целое: «Извините, дамочка!». Вот он, воспитанный русский народ. Интеллигенция. А напоследок, скажете, придумала. Хотя нет, вы и сами, возможно не раз были свидетелями эгсбиционизма. Ехала я на зачет по «введению в языкознание», даже скажу точно число – 28 января 2006 года – уж, надолго это событие отложилось в моей памяти. Села я по обыкновению в десятку, в середину салона, у окна – плеер в уши, тетрадь на колени. Ко мне подсел лысый мужчина средних лет, в черном пальто с кейсом. Я даже бы не обратила на него внимание, если бы мое кресло не начало пошатываться. Смотрю влево, а он, извините меня, удовлетворяет свою сексуальную потребность правой рукой, левой поддерживает кейс, чтобы тем, кто стоит над ним и держится за поручни, не было видно. Улыбается мне. Я только с брезгливостью отворачиваюсь, даже не ищу помощи в глазах других, зная,

что эту картину «посчастливилось» наблюдать только мне. Потом, через минуту-другую он заканчивает, вытирает руки о кресло, застегивает ширинку и выходит. Люди, но будьте вы людьми, сдерживайте свои желания, мы же не животные. А сейчас знаете, мне кажется, меня уже ничего не удивит.

*Роста – микрорайон в городе Мурманске.

О расслаблении

«Господи, за что?! Мы же договорились! Пусть другие стареют, а не я!»

Джоуи Триббиани. Сериал «Друзья»

Что-то клацнуло внутри. Яркая вспышка...и пронзило. Чувствую, как медленно, но верно кровь регенерирует и превращается во что-то теплое, терпкое, тягучее. Кажется, что я сейчас все смогу, уговорю любого, наступлю на небо или вдребезги уничтожу стену, которая стоит между всеми танцующими фигурами... Неважно, что будет завтра. Сейчас я здесь, в накуренном зале, в бесцветной дымке дыхания чужих гортаний. И мне хорошо. В таком состоянии хочется петь или плакать. Трудно определиться. Главное, ощущать этот непонятный двигатель в жилах. Мысли мутнеют, голова кружится, как на самом большом пике огромного колеса обозрения, когда пересыхает от страха и восторга все тело... а конечности не слушаются. Я выхожу на танцпол, слабая и расслабленная... Но мне чудится, причем довольно ясно, что

я всемогуща или всесильна. Я сама абстракция. Я произведение авангарда. Я неумность и необъятность. Я одновременно пуста, как допитый бокал, и наполнена, словно у меня в мозгу есть бескрайние кромки. Это состояние мы называем эйфорией. Нет ничего, кроме музыки и моего послушно настроенного и двигающего в такт существа. Мерцанье света, яркие мгновенные стремительные вспышки на рукав, юбку, носки сапог. До меня дотрагиваются. Чувствую отпечатки пальцев на восприимчивой коже. Осязаю каждую линию рисунка. Хочу контролировать свои движения... Не выходит. Тело поет. Тело звенит. Желание ползет от ступней к коленкам, затем выше к бедрам. Сливаюсь в поцелуе с губами своего мужчины. Отворачиваюсь, провожу глазами сливающимися потоки света на стенах. Его руки скользят по талии, он шепчет что-то неприличное, навязчиво, но ласково. Сажусь и привстаю. Ощущаю его неукротимое возбуждение. Снова что-то щелкает внутри. Страсть заливается в меня, будто в сосуд. Не противостою. Я отдаюсь ей полностью. Вижу его горящие глаза, влажные виски, сильные предплечья. Он хочет меня. Горячо. Томительно. Потрясающе. Я совершенно пьяна...

О начале пути

По сути, мой вид одиночества пережить тяжелее всего. Одиночество вовсе не означает, что ты заперт один в своей комнате. Ты можешь быть в людном месте и ощущать себя

по-прежнему самым одиноким человеком, потому что никому по-настоящему не принадлежишь.

Фредди Меркьюри

Детский дом. Открытые окна. Запах столовой соды и хлорки на этажах. Мальчик, стоящий у рамы. Только что очнувшийся от приятного сна. Такого сладкого, как три ложки сахара, разбавленные в стакане чая, такого нежного, словно прикосновение вербы до ладони, такого реального, будто эти свежеокрашенные рамы перед глазами. Этой ночью ему снился папа.

Он часто видел других отцов, которые приходили к его сверстникам. А своего – никогда. Тогда он его придумал. И каждую ночь перед сном он представлял папу и верил в то, что его отец обязательно должен быть моряком. И тогда ему снились черные стонущие волны, достающие до неба и усатый мужчина с аксельбантами на плечах на борту корабля, крутящий неукротимый штурвал. Худенький сонный мальчик стоял у окна. Строптивные масляные глазки, острый нос. Мальчик, еще не лишенный веры. Веры в то, что где-то жизнь счастливее. Веры в то, что где-то время идет быстрее.

Время отягощает сознание, переплетает кадры жизни, запутывает, подталкивает к стене. Нет тупиков. Но люди их ищут. Время не лечит. Время не знахарь. Люди только сами в состоянии что-либо забыть. Время играет ими. Оно логично расставляет все по местам. Все временно. Никто никому не должен. Ничего. Никогда. Кажется, проснешься сегодня

утром, и жизнь станет сказкой. Но сказки у каждого свои. Но не все хорошо заканчиваются. Есть плохие финалы, где опять на жизненные весы садится время. Время ставит какие-то непонятные рамки. То заставляет спешить, то наоборот останавливаться на «передоках». Время в этом Детском доме стоит. Холодные простыни. Тугие жгуты железного дна кровати сквозь тонкий матрас. Мальчик, глядящий в дырочку тапки. Глаза уже гаснут. Сон забывается. Сон растворяется... Сон разбивается о деревянный пол этого здания, по которому передвигаются взрослые. Кто они? Каждый идет своей дорогой по головам других. Каждый давит другого, чтобы быть хотя бы на сантиметр выше. Расслоение масс. Бедный, значит, ничтожный. Богатый – уважаемый. Человеческая жизнь продается и покупается, как любой товар. Индивидуальность потерялась под напудренными масками. А их не сорвать с лица. Только вместе с кожей. Интеллектуалы и маргиналы. Равенства нет. Не было и никогда не будет. Ни здесь, ни после смерти. Даже на кладбище пытаются выделиться памятниками. Нищие. Обеспеченные. Суд?! Разве что Божий. Земной тоже куплен. Жизнь справедливости ради. А есть ли она? Мальчик лет 14-ти вдыхает воздух, плывущий из открытого окна. Одинокий мальчик. Еще не гнилой внутри. Мыслящий не по годам. Слишком рано ставший взрослым. Свербящий ужас прилип засохшей коркой грязи к его детству. Тающая тоска по чему-то, по кому-то. Люди встречаются. Бывает так, что остаются вместе на всю жизнь.

Любовь ведь все же есть. Она ведь должна быть, да? Любовь, если она настоящая, не умирает. Этот мальчик просто хотел, чтобы его любили. Он всего-навсего стремился стать очевидцем любви или ее частью. Попробовать ее на вкус. Попробовать как это... когда у тебя есть своя комната, свой письменный стол, свое собственное окно, своя мама. Когда есть кто-нибудь, кому ты не безразличен, кто заботится о тебе, видит, как ты растешь и какой ты все-таки удивительный ребенок. Один. А не такой, как все. Что ты ни на кого не похож.

Мальчик отошел от окна. В глазах стояли слезы. В его сердце словно залезли кием. Поворочали там. И кий не вытащить теперь из груди, он прирастет. И как его не крути там внутри, уже не вынешь.

Он знал одно – его сон никогда не сбудется.

О боли

– А где же люди? – вновь заговорил наконец Маленький принц. – В пустыне все-таки одиноко...

– Среди людей тоже одиноко, – заметила змея.

«Маленький принц». Антуан де Сент-Экзюпери

Я села в такси, когда боль уже затянула глаза. Вот так просто, без лишних слов, без последствий, и так прозаично он мне сказал, что он остыл. Остыл ко мне... К той самой, у ног которой просил родить ему ребенка, к той самой, которая

прощала ему свои синяки, в чье тело он входил каждую ночь несколько лет подряд. Остыл... И я знала ее. Ту, к которой прикипел. Ее бедра, стянутые в узкую юбку, искусственный смех, белые зубы, приторный парфюм. Ее хамоватые интонации и раскачивающуюся походку. Она никогда не грустила. Ведь в ее жизни было все хорошо. Всегда. Обеспеченные родители. Сдержанные рутинеры. Престижная работа. Хорошие авансы, гибкий график. Отдых три раза в год за границей. Связи с Рублевки. И куча, большая навозная куча шмотья. Она блестела, совершенно не умея блистать. И от белизны ее зубов хотелось жмуриться. И она была так недоступна.

А кто я? Безработная домохозяйка с синим дипломом и помятыми от родов бедрами. Роющаяся в вакансиях сети. Еще ухоженная, но уже так уставшая от жизни. Бегущая или наоборот дремлющая. В сонном состоянии души. Фонтанирующая идеями, которые никогда не окупятся. Что было у меня? Наш общий ребенок, не пристроенный в сад. Родители, не достающие до среднего класса. Сердечные, с широкой душой. И зубы свои я чистила бленд-а-медом, но от этого они не становились белее... И я была доступна ему. Ежедневно, ежевечерне...

Мы едем. Шофер молчит. Автомобиль трясется на кочках.

Это происходит в раз. Просто люди живут, живут вместе, а потом вдруг один из них понимает: «Все. Больше так жить

нельзя...». Но для другого это обух по голове. Его-то сердце еще любит.

«Я люблю ее»... – говорит он мне и медленно так, по носочку собирает в свой пакет. Ведь у него даже чемодана своего нет. Она ему купит. Она его купит. А он будет надеяться, что она, возможно, сделает его, наконец, счастливым... просыпаясь по утрам у нее под гладкоэпилированной подмышкой. Она будет спать крепко. Ведь после ночи, проведенной с ним, хочется спать до полудня.

Боль заволакивает глаза. А за поволокой этой его родное любимое лицо, разные его выражения... морщинки, родинки, слезы, улыбки. Оно отпечатано у меня на нескольких пленках в моей голове. И я буду вспоминать, вспоминать, вспоминать, терзая себя и упиваясь горем разлуки. Но разлука – это ведь когда вдали, а не расставшись навсегда... А я навсегда, а мы навсегда, и «нас» больше нет... значит, это конец...конец всему...

Мы подъезжаем к моей улице. Сквозь окно авто я вижу человека. Он ниже машины, в которой я сижу. Он вообще какой-то маленький и невидимый. Он сгорбился. А там, где заканчивается его туловище, начинается доска...на колесиках. И он едет на ней, переставляя руки по асфальту. Глаза его еле заметны на сером лице, желваки нервно перекатываются, и уголки губ опущены... И вот он катится на зеленый свет среди рева сонмища этих грузных машин. И они

так сильны, а он так...слаб... Сколько боли помещается у него внутри, там в половине его тела? Места мало, но одиночества много... Мне еще сильнее хочется плакать... может, мой конец еще не конец? А начало другой жизни.....здоровой, нормальной, счастливой, просто без него.

О взрослении

Если не достигают желаемого, делают вид, что желают достигнутого. Мишель де Монтень.

«Когда я была маленькой, как ты...я делала также, любила тоже самое»... говорим мы своему ребенку. «Как же, неужели моя взрослая мама была такой? Могла меня понять?» – думает он. И на его недоумевающий взгляд в ответ нам самим как-то и не верится в свои слова. Вроде бы, вот оно, детство, рукой подать... и кто знал, что так рано можно стать матерью... Хотя в 24 женщины имеют и по трое детей, тебе кажется это невозможным. Это не с тобой. Это со взрослыми тетями, пригвожденными к земле своими проблемами, счетами, долгами, разводами, отпусками. А ты еще маленькая. Ты бы с удовольствием проснулась без этой тоски однажды утром, без этих тянущих от боли шишек на лбу, тех самых от граблей, на которые ты наступила по следам всех. С радостью бы отвела от себя руками весь груз ответственности. Ведь так приятно, когда ответственны за тебя, а не ты. Однажды утром, лет так в 13. И дожила бы до 18. Мож-

но без сегодняшних «мозгов». И если с ними, тогда какой смысл? И осталась бы навсегда в этих теплых юных 18-ти. Не стареть. Не «мудреть». Ведь, как известно, знания приумножают скорбь. Не толстеть. Не потеть, как мышь, когда отводишь ранехонько ребенка в сад, и стремглав мчишься на работу. Не вступать в эти странные отношения. Которые называются – стабильные. А проще говоря, невозможные. Которые становятся мертвой акулой. Ведь как говорил культовый режиссер Вуди Аллен, «Отношения подобны акуле. Они должны быть вечно в движении, чтобы выжить». А движение-то заканчивается, где-то от года до трех. У каждого из них свой срок. Но это реальность. И ты просыпаешься в 24, 25, 26 лет. И понимаешь, как это глупо, бездарно, абсурдно, смешно! Смешно жить вместе, пытаться вести совместный быт, стирать его носки, засыпать в разных комнатах, когда в ногах усталость и от нервных ссор дергаются веки, чистить зубы, когда он рядом сидит на унитазе. А еще смешнее надеяться, уходя к другому, что с ним не будет так скучно. И он ведь, в свою очередь надеется, что его бывшая просто не способна была понять, что ему нужно. А все просто. Через время – и в вашей паре будет также. Состояние «разбивания надежд». Но есть короткий отрезок времени сжигающей страсти, ухаживаний, дрожащего тела... которые хочется вновь пережить, потешить кровь. Именно поэтому после долгой утомительной стабильности так хочется влюбиться. Беззаботно. Легко. И приятно.

С фонарями, которые я наблюдала на днях также. Я шла по улице поздним вечером. Свет ближнего фонаря горел желтым, дальнего – ярко-белым, ослепляющим. Хотелось скорее двинуться к нему. Но когда я дошла, к моему разочарованию, он был таким же желтым и некрасивым, как и предыдущий. И неизвестно, как лучше было бы: идти в темноте или смотреть на этой отвратительный свет?

О душе, одиночестве и вере

Если тебе плюют в спину, значит, ты впереди. Конфуций

Душа – неотъемлемая часть тела. Подобно фантику, снятому с конфеты. Конфета без него не перестанет быть конфетой. Человек не перестает существовать, когда теряет оболочку. Он никогда не умирает. Кто-то живой. И ты живой. Живой чьими-то мыслями. Мы проживаем разные жизни – бесполезные и нужные, длинные и короткие, жизни, подобные рычанию вулкана и тихие, словно штиль... Мы можем стать счастливыми в один миг, и стать несчастными ничуть не за большой срок. Мы верим в судьбу и случай. Мы знаем, что многое не зависит от нас. Мы любим одних, а засыпаем с другими. В одной жизни мы богаты, как цари, в другой – наши дети мучительно умирают от рака, потому что у нас нет нужной суммы на операцию. В одной – мы эти несчастные родители, которые плачут от платной медицины, в другой – бессердечные врачи, вальяжно торгующие жизнью. Методом

проб и ошибок мы пытаемся что-то менять, но наши грабли каждый раз ударяются о шишки на лбу.

Мы – люди, борющиеся за свои права. За свою территорию, за своих самцов и самок, за своих детенышей. Где-то одинокие волки, где-то сытые коты. В одной жизни нам завидуют, в другой – завидуем мы...

Одиночество можно приручить. Это значит, оно не страшное. С ним можно жить. Его можно полюбить. Я не вижу разницы между одиночеством и жизнью среди людей, где люди только имеют внешности людей, но внутренности и поступки у них животного характера. Они пытаются занять лидерские позиции, вытеснить того, кто слабее, урвать у того, у кого больше. Люди завидуют и соревнуются и никогда искренне не радуются успехам друг друга. Может, это бывает в семье, то есть в стае. Но и там кто-то по-любому кого-то теснит. Одному достаточно похвалы, чтобы он что-то сделал лучше, другому наоборот – критики. В людском мире, как и в животном, выживет сильнейший и наихитрейший. Нет доверять кому-то. Получается, мы все по-своему одиноки. Просто того, кто это признает, называют циниками. А того, кто верит в родство душ – романтиками. Один и тот же человек может разрушить твою жизнь и заново ее построить, если он важен тебе. И каждый раз ты веришь в то, что ты не одинок. Наступаешь на те же грабли снова и снова, ошибочно думая, что ты чья-то половинка. Но нужно понять и принять, что единственная половинка – правая часть вас самих.

О противостоянии

«В России не любят богатых, потому что завидуют. Считается ведь, что они деньги украли. Ну, как можно признать, что какой-то человек смог заработать гораздо больше тебя? В России вообще культивируется ненависть к успеху. Это поразительная вещь. Это проблема. Это зависть, из которой происходит и нежелание самому что-то делать. Ведь, если признать, что кто-то смог добиться успеха, то получается, что и ты можешь. А если можешь, то почему не делаешь?»
Владимир Владимирович Познер

За круглым столом сидел важный мужчина. Он чинно держал ручку в руках, рассматривая ее серебристые бока, расписывая ее вытянутый черный стержень. Из-за непроглядной плотной стены жалюзи он смотрел за окно и снова думал...

«Я же так много сделал для города. На этой улице у Детского дома № 4 теперь достроили детскую площадку, асфальтировали дорогу, положили новый бордюр, покрасили стены подъездов соседних пятиэтажек». Он сделал это, только дети все равно не улыбались. Чему улыбаться? Кому? Когда тебя бросила мать. А необъемные вонючие КАМАЗы не переставая, штурмовали потрескавшийся асфальт, обдавая его липкой горячей грязью, из-за лобовых стекол которых смотрели небритые пропойцы.. В подъездах снова появлялись нецен-

зурные надписи, лужи мочи, битые стекла... Важный мужчина разглаживал руками на груди накрахмаленный алый галстук и снова думал...

Ему дали так много власти, и он так хотел распорядиться ей так, чтобы всем было хорошо. Он мечтал, чтобы его встречали, как второго народного освободителя. Только сейчас он желал избавить народ от сегодняшних пороков: от пьянства, наркотиков, проституции, насилия, коррупции, американизации, детоубийства, педофилии... и еще всякого дерьма, в котором только один нигилизм, одно разложение, одна утопия. Ему было очень грустно, что теперь Россия – это лишь пример гниения для других стран. Он верил, что Россия – многонациональная страна, но в ней, как и прежде, ежедневно толпы разъяренных скинхедов отправляют в мир иной нерусских юношей. Он пытался воспитать патриотизм, пуская в эфир старые добрые героические фильмы, но дети предпочитали им передачи о глупой американской молодежи. Дети, не помнящие Гагарина, Преминаина*, не знающие стихов Белого и Мандельштама, не слышащие о Жукове, Матросове, Гастелло. Дети, не ведающие своей истории. Дети, не верящие в Бога. Даже уже не верящие в себя. Дети, научившиеся подглядывать за личными жизнями. За светскими тусовками, за острыми языками, за бестолковой роскошью. Привыкшие это делать. Не понимающие разницы. Дети, выросшие на вседозволенности. Важный мужчина думал, с чего все началось? Когда стала разваливаться, кро-

шиться Россия? Пришла демократия. Исчезла совесть. Разрешено все, что не запрещено. В школах – принуждение, где лепят одинаковые туманные головы, не слышат и не прислушиваются, в ВУзах – повсеместное взяточничество, в Интернет-сайтах обожествленный культ разврата... А все от чего? От безнаказанности. Мы сами смотрим порно, мы сами увешиваемся американскими ярлыками, мы сами превращаемся в бесчувственных роботов. Мы сами обманываем и рады обманываться. Потому, что по-другому не умеем. Потому что менталитет такой. А он складывался годами. Его не сломать одному человеку. Мы сами допускаем ничтожеств в ряды своих знакомых, а потом жалуемся, что устали кормить тюрьмы. Мужчина в дорогом костюме думал о том, чтобы люди сами захотели изменить Россию. Чтобы они взяли себя в руки и перестали пить... Не чтобы другие страны не смеялись, слагая анекдоты о русских алкашах, а потому что сами увидели, как это низко и противно. Перестали становиться бомжами. Потому что сейчас попрошайничество вызывает жалость, а не презрение. А опустившихся надо презирать, чтобы другим не повадно было. Перестали быть мстительными и жестокими. Потому, что око за око, значит, оба слепые... Он помнил... если бы люди по-настоящему любили своих детей, не было бы войн. Он смотрел в окно на новую детскую площадку, на асфальтированную дорогу, ломая голову... Почему Россия занимает так много места на карте, имеет столько завидных ресурсов, так широка и необъятна,

и так пуста и гнила внутри, как испорченный орех?... Кто виноват?

*Сергей Преминин – матрос, трюмный машинист, герой России посмертно. Сергей заглушил реактор, который взорвался 3 октября 1986 года в Саргассовом море в 4-ом ракетном отсеке подводной лодки К-219. Он спас других моряков, но сам выбраться из отсека он не смог: возросшим давлением поджало переборку. Заклиненную дверь пытались открыть снаружи, но безрезультатно. Награжден Орденом Красной Звезды и медалью ордена «За служение Отечеству» посмертно.

О том, что «не твое»

Все мы гении. Но ,если вы будете судить рыбу по её способности взбираться на дерево, она проживёт всю жизнь, считая себя дурой.

Альберт Эйнштейн

– Не проходите мимо! Вкусные тортики от «Мелифаро». Легкие, воздушные, состоящие из натуральных ингредиентов...

Все, больше не могу стоять посреди этого шумного зала. Гипермаркет «Патерсон» – в центре города Краснодара, огромное двухэтажное помещение, с асфальтированным парком и баром развлечений на первом этаже: боулинг, бильярд, караоке. Я стою здесь, в нелепом виде – синяя кепка

и дурацкий накрахмаленный фартук от «Мелифаро», каблуки, которые скользят по плитам. Рядом – здоровый холодильник с тортами. Стою уже два с половиной часа. Жутко замерзла – кондиционеры работают, как сумасшедшие. Чувствую себя ужасно неловко. Я заменяю подругу. Сегодня она поехала на собеседование и попросила меня постоять за нее четыре часа. Людей в магазине мало, поэтому заняться вообще-то нечем. Здесь нельзя слушать плеер, разговаривать по мобильному телефону, читать и даже отлучаться в туалет! На экране третий час подряд крутят одни и те же клипы. Молодые продавщицы с соседних прилавков недовольно поглядывают на меня. И я уверена, что они обсуждают, что за эти три часа я не продала ни одного торта. Нет, один я все-таки продала. Но покупателем был мой папа!

Никогда в жизни не навязала ничего людям. Я стесняюсь, мне непривычно. Я знаю, что любой хороший товар продается и так, без рекламы, без всяких там промоутеров, какие бы они не были очаровательные и как бы искусно они бы тебе не втюхивали товар. Ко мне подошел парнишка – расфасовщик. Он первый день на работе и также неловко чувствует себя здесь. Мы познакомились, разговорились. И на четвертой фразе я призналась, что очень хочу есть. Через пару минут он принес мне «Сникерс». Парня звали Мишей. Он рассказал мне, что хочет поехать на море с друзьями и поэтому пришел сюда. Поработать недельку – другую. Он был совсем несимпатичный – рыжий, худощавый с густыми огнен-

ными бровями, немного неуклюжий. Но... так как заняться было больше нечем, мне пришлось вести беседу с совершенно неинтересным мне юношей.

– Ты заплатил за шоколад?, – вдруг появился за его спиной охранник.

– Да, вот чек... – промямлил мой новый знакомый. Мне стало как-то не по себе, потому что в моих руках осталась только обертка от «Сникерса». Что ж поделать, я очень хотела есть. Охранник удалился. Мы разошлись по местам. Снова стало скучно.

Холодно... Сзади висели большие белые часы. Минуты тянулись мучительно долго – еще целый час и пятнадцать минут до конца рабочего дня. Какой-то мужчина ходил вокруг да около последние полчаса. Я удивилась, что он ничего не выбирал. Просто смотрел на меня. Тут я поняла – плохи мои дела. Это был мой супервайзер – ну, тот, который ездит с проверкой по всем гипермаркетам города, где стоят другие девочки. Он был еще некрасивее Миши, направился быстрыми шагами ко мне с гневной гримасой:

– Плохо заменяешь Евгению, подводишь. С тебя штраф – двести рублей. Я вычту из оплаты.

– Но за что? – удивленно спросила я, озираясь по сторонам, где с разных углов смотрели на меня симпатичные загорелые охранники и улыбались.

– За разговоры в неположенное время. Я следил за тобой уже полчаса. Ты ничего не продала. Так еще и болтала. Луч-

ше рекламный текст бы выучила! Зря твоя подруга говорила, что ты такая же ответственная, как и она.

И ушел, не дав мне ни слова сказать в свое оправдание. Мало того, что я бы получила всего четыреста рублей. Теперь я получу только двести. И что? Да еще и Женя может подумать, что я намеренно её подставила. За прошлые обиды. Мне стало так горестно, что я чуть не расплакалась прямо там под взглядами насмешливых охранников, язвительных продавщиц, проходящих покупателей. Людей стало заметно больше. Будто слетелись на мед.

Конец рабочего дня – седьмой час. Понятное дело – рядом строительная фирма. Все после работы в магазин... Усталые, голодные. Женщина лет пятидесяти долго кружила над моими тортами. Потом с сожалением сказала:

– Прости, девочка. Но у меня сахарный диабет. Но завтра я возможно приду. Куплю тортик сыну. Он возвращается из командировки.

А мне-то какая разница. Меня завтра здесь уже не будет. И в моей ведомости будет написано – один покупатель. Наименование товара – медовые трюфели. Стоимость покупки – 120 рублей. Хорошо, что там не пишут фамилию покупателя. А то сразу бы стало все ясно.

Ой, мне так стыдно. Да, торговля – это не мое ремесло. О, вот приближается женщина с маленьким ребенком. Конечно же, он сейчас попросит мать купить ему сладенького. Малыш остановился у моего холодильника, взглянул жалоб-

ными зелеными глазками на мать и промяукал:

– Мама, смотли, вишневый тольтик. Купи, мама, купи! Я хочу тольтик!

Она садится перед его просящим личиком на корточки.

– Ой, он такой дорогой, Вовочка. Через дорогу есть магазин. Я тебе там куплю, – шепчет она ему, но я конечно, все слышу. И они тоже уходят.

– Привет, Женя!, – машет мне рукой седоватый мужчина в бежевом костюме.

Я киваю головой. Мне уже все равно. Пусть думает, что хочет. Я очень устала и хочу домой. Я не чувствую ног, особенно ступней. Стоя на каблуках четыре часа! Ад. Рядом – мясной прилавок, где ароматно пахнет сырокопченая колбаса. И повсюду заманчивые вкусные таблички: «Сыр, молоко, творог», «Чипсы, орешки, сухарики», «Фрукты, соки, кофе, чай»... Тот мужчина подходит ко мне и, конечно же, он не – русский, каких полно в Краснодаре. Он азербайджанец – статный, стильный, обходительный...

– Ой, ты не Женя. Извини. Но тоже симпатичная...

– Спасибо, – отвечаю я. – Я сегодня за нее. Но мне уже все так безразлично... – он внимательно рассматривает меня.

– Ты здесь не замерзла? То ли у них кондюки с ума сошли, то ли им так жарко».

Я понимаю – он здесь шишка. Только кто, я спрашивать не буду. Я уже безучастна. Я очень устала и хочу домой.

– Нет. Мне не привыкать. Я из Мурманска.

– Из Мурманска? Да ты что? Ну, наверно, корни-то краснодарские есть.

– Да, у меня дедушка живет в Краснодаре.

Слово за слово. Вдруг придет супервайзер, а я снова не выполняю работу. Стою, болтаю. Поэтому мы прощаемся. Мужчина желает мне удачи. Смотрю на часы. Урааа! Ровно семь. Без трех минут. Ну, ничего пока я дойду до раздевалки через длинный гипермаркет, будет семь. И я иду через взоры охранников, покупателей, продавщиц. И мне уже так легко, хорошо. Я не подвластна времени. Я словно лечу к раздевалке. И усталость куда-то исчезла. Я чувствую, что у меня еще есть неисчерпаемый запас сил. Вот так.

Через день я получила свои сто восемьдесят рублей и печальный опыт работы промоутером. Женя на меня совсем не обиделась – она меня поняла. Наверно, потому что получила ту работу.

О расставании

Какая-то часть тебя уходит с тем, кого ты потерял. Марк Леви

Люди встречаются, люди влюбляются, женятся. Только вот в один день умирают далеко не все. Далеко не все остаются верны друг другу. Сохранить любовь весьма трудно. Любовь – это огонь, который непременно когда-нибудь догорит. Если вовремя не подкинуть дров, можно задохнуться от ды-

ма...

Это была рябая тусклая осень, но удивительно ароматная... Рваные, беспорядочно разбросанные по асфальту листья, сизые клубы дыма из мусорных баков, пурпурно-серебряное небо и негаснущий ветер, бьющийся неустанно в подъездные углы. Рано пришедшая... осень. В их жизни она была последней.

Комнату, огромную полупустую комнату обволакивала тьма. Падал ноябрьский снег. Густой и упорный. Одна фигура стояла у окна, другая – в углу у детской кровати посреди полукруга разбросанных кукол...

Пытались вести диалог.

– Я до сих пор не могу поверить в то, что произошло, – сказал Он и отдернул штору.

Кажется, Он вложил в это движение все оставшиеся капли своей обиды. Храбро продолжал смотреть Ей в глаза. Они блестели карим пламенем.

– Получается, все, что было... было впустую.

Долгое молчание.

– Ничему меня жизнь не учит!

Он опустился на диван. Сел на пол и обнял голову сильными полными руками.

– Ничего не было впустую. Я не хотела тебя предавать, –

сказала Она оправдательным тоном.

– Но предала... – шепнул Он утвердительным...

Потом встрепенулся, как от продолжительного сна. Она увидела Его слезы. Второй раз в жизни. В первый – Он плакал от счастья на их свадьбе.

– А ты вообще меня любила? Или, как всегда, игру придумала? Хорошо в роль вжилась...

– Не знаю. Теперь не знаю, в последнее время все было так сложно, – глухо отрезала Она, равнодушно и тоскливо опустив глаза.

– И в горе, и в радости, и в здравии, и в болезни...

Она села на холодный пол и взяла за руку куклу. Расставленные пластмассовые пальцы куклы будто сжали Ее запястье. Ей стало больно.

Он хотел закричать, но сил хватило только на усмешку.

– Прости. Но ты же сам говорил, что людям нельзя верить...

– Так просто ты говоришь об этом, как будто мы одну ночь вместе провели, а не пять лет.

Видно было, как он взвешивает каждое слово, и как что-то в горле, сырое и круглое, мешает говорить.

– Тебе я верил. Верил в то, что ты особенная. Наконец даже решил, что это любовь. Ведь ты помнишь, каким я был циником до нашей встречи. Ты все, конечно, помнишь.

– Все проходит. Мне тоже тяжело делать тебе больно, –

Она кладет куклу к спящей девочке в детскую кроватку и садится на подоконник. Приоткрывает окно.

– Кто он такой? Ты его любишь? Сильнее, чем любила меня?,

Он напрягается, глаза его зеленеют от ярости, но он не поднимает голоса.

– Я не знаю, что я к нему испытываю. Но это чувство сводит меня с ума. А к тебе только пустота...

Она чувствовала ее внутри, будто скользкую холодную пулю в области сердца. Ничего не осталось к нему. Напряжение, раздражение, усталость. И непреодолимое чувство одиночества, гнетущее и нескончаемое. Не такое, какое бывает, если ты уединяешься намеренно, когда хочешь выплакаться или помолиться. Совершенно тебе незнакомое. С Ним уже какой год Она была так одинока.

Боль застилает ему глаза, тело не слушается. Им бы еще столько слов сказать друг другу надо, но на это нет сил. Вот его маленькая сумка, сложенная наспех сегодня утром, стоит у двери. Когда он истошно кричал на Нее, швырял вещи, бил кулаками по столу, Она молча держала пальцы у рта и раскачивалась. Зачем Ей было Его останавливать? Переубеждать, кидаться в ноги или слезно просить прощения? Ведь это будет снова обман. Поэтому она остается бездейственной. Он это понимает, хоть и рад был бы снова быть с ней, простить Ей измену, лишь бы снова по ночам обнимать ее нежное тело, трогать Ее реснички, ласкать Ее плечи, проводить ладо-

нями по волосам, отвозить на работу, целуясь на каждом светофоре, созваниваться в обеденный перерыв, а поздним вечером читать сказку дочери, шепотом, по ролям, разглядывая ее милое личико вместе. На выходных кино или ужин в суши-баре, иногда прогулки по парку. Кажется, да как же это все одинаково, как приелось, как однообразно. Но не в этом ли счастье? Улетит... и не поймаешь. То, что нам порой кажется таким крепким и стабильным, то за что мы уже давно не боремся и не чувствуем необходимости быть благодарными за это, к чему намертво приросли корнями, может разрушиться в один миг. Пух... и словно мыльный пузырь лопнуть.

Он уходит... пока в коридор. Через минуту – из Ее жизни. Она провожает Его:

– Ты меня поймешь, когда встретишь того, кого сможешь полюбить больше...

– Значит, все же больше меня?...

– Да, это не сравнить...

Слова ее режут его сердце, словно острые края бумаги кожу под ногтями.

Он закрывает глаза, морщится... потупленный от боли. Его губы снова дрожат. Но он не плачет.

– Иди быстрее, пока она не проснулась, – говорит Она ему, беззащитно и измождено.

– Что ты ей завтра скажешь?

– Я подумаю об этом завтра.

Он еще стоит немного, ждет чего-то, может, хочет поцеловать дочь, может, надеется, что она почувствует что-то и проснется. Хотя он и не хочет видеть ее слез. Все внутри его разрывается, стонет от боли. Он еще до конца не осознал и не принял. На это уйдут месяцы. Сейчас он слаб, дойдет до квартиры друга и забудется коньяком. Но вот только завтра все равно когда-нибудь наступит. И боль никуда не уйдет.

– Где ты будешь?.

– Пока у Саши. Потом сниму что-нибудь в центре.

– Хорошо, тогда жди повестки на его адрес.

Он не ответил. Захлопнул дверь...

Он представлял, как они будут стариться вместе. Ему казалось, что он вынесет от нее все. Боялся жизни без тебя. Без своей амлитуды.

Быт расковырял в их сердцах совсем другое.

Почему страсть имеет свойство потухать? Почему любовь становится нервной плоскостью минут на двадцать между ужином и сном? И почему в голове столько слов, а коснись угольком пасты до листа – и написать нечего. И... катастрофически одиноко, хотя и не один.

Все пары рано или поздно сами подливают воды в уже чернеющий костер. У кого-то есть силы и терпение преодолеть эту маленькую смерть. У него не хватило. Мир человеческих отношений очень сложен. Ревность, жадность, потребительство, искушения, измены... А он дорожил ей. Она была ему

нужна. Он ей говорил: «Когда почувствуешь острую необходимость во мне... просто протяни руки и я окажусь рядом. Я почувствую этот момент. Я найду новые силы. Заранее. Мы все начнем сначала. И как бы хотелось, чтобы это начало не имело конца...». Но конец наступил.

Цените, что есть сейчас. Дорожите каждым мгновением. Ведь нет ничего вечного. Все когда-нибудь остывает. Все проходит. У всего есть срок! И если нашли любовь, то берегите! Не запускайте. Не давайте погаснуть глазам любимого человека. Ведь мир такой неумный, такой разный, такой необыкновенный... и людей в нем столько, что всегда найдется кто-нибудь, кто пожелает вас заменить.

О выборе

Жизнь – это череда выборов. Нострадамус

Встретились однажды писатель и журналист. Давние приятели, бывшие однокурсники. Те, которые созваниваются на рождественские праздники, но не видятся ни разу в год. Они пересеклись у выхода из торгового центра. Писатель заметил журналиста и окликнул. Тот остановился, всмотрелся в знакомое лицо, как в неизученный атом, и шагнул навстречу.

– Здравствуй, Валера. Я тебя еще издалека узнал! А ты мимо проходишь, будто не видишь... – начал писатель, обогнав еще несказанную фразу журналиста.

– Привет, Антоха. Ты уж прости, я ног-то своих не вижу, так заматываюсь. Вот заскочил, ноутбук сломался. В ремонт отдал, к завтрашнему дню должны сделать. Не сделают – пропаду, там у меня очень важная статейка. Как обычно, без черновика делал.

– Все в спешке. Ой, ну, ты как? Рассказывай! – закончил журналист и вытащил из блестящего кейса новую сияющую пачку сигарет «Parliament». Закурил и моргнул бледно-алыми глазами.

Писатель посмотрел на него, еще раз радужно улыбнулся и тоже достал из переднего кармана тканевого рюкзака помятую сигарету. На ее фильтре вырисовывалась надпись: «Ява».

– А я иду писать заключительную главу своей новой книги. Вот купил банку кофе и новую пасту.

– Новую пасту? Ты все пишешь ручную? – удивился журналист, утомленно зевнул и устало откинулся назад.

– Да! Так пишется легче. Вдохновение приходит чаще. Да и компьютер мне не нужен. Для публикации мне знакомая наберет текст. Я уже договорился. Потом рассчитаемся! – писатель беззаботно рассмеялся и поправил воротник куртки. Она была настолько застирана, что ее цвет казался вовсе неразличимым.

– Ясно, то есть, у тебя все хорошо! – произнес журналист и провел расслабленными пальцами от ушей к бровям.

– Да, конечно, хорошо! Замечательно! А у тебя как?

– Потихоньку. Каждый день страшно устаю, еле до кровати доползаю. Но это первое время, после отпуска всегда так. Я в прошлую пятницу из Рима прилетел. Так отдохнул – прелесть. В следующий раз планирую в Париж. Но это только весной. А, может, даже летом, смотря сколько работы будет.

– А я собираюсь в следующем месяце к маме в Тихорецк съездить на неделю. Валера, а ты случайно семьей не обзавелся? – лукаво подмигнул писатель и выкинул свой маленький окурок в урну.

– Брось ты! У меня на себя-то времени нет! А ты?.

– Да зачем мне кто-то? Плачу за свою однокомнатную еле-еле. Даже привести кого-то стыдно, разруха такая. Так встречаюсь изредка.

– Ясно все с тобой... – журналист сонно понурил голову и медленным движением руки опустил тлеющую сигарету в ту же урну.

В кармане его пальто голосом Кипелова запел мобильный телефон. Журналист прислонил трубку к уху.

– Да? Вижу. Спасибо. Я уже подхожу. Антоха, прости, такси подъехало. В редакцию нужно. Все в ремонте, блин, ноутбук, машина. Скоро сам закипячусь, как чайник! Бывай! – беспокойным голосом выпалил журналист и побежал к автомобилю.

– Рад был повидать тебя, – проговорил ему вслед писатель, но тот его уже не слышал. – Вот и моя единица подъе-

хала! – снова улыбнулся он и направился быстрыми шагами к остановке.

В неумолкаемом гуле улицы он услышал «полифонийный» звонок своего мобильного и остановился. Сказал несколько слов. Опоздал на автобус, сел на скамейку, вытащил блокнот с ручкой и стал ждать следующей единицы...

О всех тех, кого можно было спасти

«Зачем кому-то умирать, чтобы он нами был замечен?

Как много разных «почему» оставил Бог на этом свете»

Группа «HI-FI»

«Сегодня он меня бросил. Сашка Борзый из 11 А – мой любимый Сашенька. Мы стояли на парапете у школы, после второго урока, он курил и чуть сужал глаза:

«Тань, ты меня прости. Ну, ты пойми, не может так больше продолжаться»...

Все, что он сказал. Потом я напряглась и выдавила из себя:

«И что?! Ты меня бросаешь?»

Он молчал. Будто этим можно что-то исправить. Будто от того, что молчит, мне может быть менее больно. Я расплакалась, когда он ушел. А до этого держалась. Пока он докуривал. Мне так было плохо! Боже, как хотелось завывать и умереть. Тотчас у его подошв. У его милого нежного сердца, которое полюбит теперь не меня. Он таким ласковым был,

внимательным. Даже бросить меня по-человечески не смог. 2 года счастья, 2 года надежд коту под хвост. Мне 15 и самая несчастная на свете девушка! Кто-то скажет мне всего 15... но, черт подери, я больше никогда не буду так счастлива. Все разбито.

Домой пришла без сил. Еле отсидела информатику. Еленушка что-то впаривала о новейших антивирусниках и о том, как их правильно установить. звонил, Серега успокаивал, сказал, что девушка его тоже бросила. Да как он может сравнивать – своих шалав однедельных с тем, что произошло со мной? Я видела, как Саша улыбался Васильевой, потом они что-то друг другу сказали и вместе пошли курить в «Орешек». Может, у них уже что-то есть. С ней! Боже, это еще хуже. Тогда у меня точно никаких шансов не останется. Я проревела за последней партией, потом наврала, что у меня «важные дни» и ушла домой. Прележала в ванне. Все смотрю на эти таблетки снотворного в мамином ящике... но пока не решаюсь. Руки до сих пор дрожат. И по телу будто прострелял снайпер. По всей коже боль. И такое отчаяние. Губы его вспоминаю, запах, и хочется вырвать все воспоминания. Но это невозможно! Они будут меня есть.

Мама пришла в 5. Ничего не сказала, как и всегда. Села ужинать. Принесла мне пюре с котлетой: «Ты не пришла на кухню, ешь тогда тут!» и ушла к соседке. Будто я сама согреть не могла это в микроволновке. Вот и все участие. Вся любовь. Видела мои красные глаза и ни черта не сказала. По-

чему? Почему она всегда так холодна со мной? Ведь я не маленькая, когда надо кормить да спать укладывать. Со мной уже можно разговаривать... а все наши разговоры только о том, что я ела и какие оценки получила. Будто я состою лишь из мозга и желудка. Она такая злая из-за своей матери? Которая бросила ее, когда она ей было 10... маму воспитал дедушка. Она злится на меня, видимо. Незаслуженно... ничего обо мне не хочет знать. А мне она так нужна. Но я не могу ей в этом признаться. Когда Сашка предложил мне встретиться, я так ей хотела это сказать. Не понимаю, как она это не заметила – мои глаза мерцали, как софиты. Она с папой тоже не разговаривает. Интересно, у них вообще еще что-то есть? Или как соседи живут? Я всегда думаю об этом. Может, они лгут мне, чтобы якобы не травмировать. Но эти их лица полны боли. Я не могу уже наблюдать всю эту ложь! Раньше папа маму целовал, трогал за талию, завтрак ей в постель в воскресенье приносил, а она ему штопала носки и так нежно гладила его брови, когда он хмурился. А теперь я только слышу: «Подбросишь меня?». А он: «Нет, не успею – мне еще на заправку!». Или: «Поставь мой телефон на зарядку, я засыпаю». А она: «Хорошо, спи». И ничего нет в этих словах. Никакого цветения. Только равнодушие. Почему бы им просто не послать друга друг на фиг и не начать быть с тем, от которого дрожат колени?

Я думала над тем, что людям надо умирать, чтобы их заметили. Децла уже давно не слушали, лет так 15 точно, но он

умер... и мои одноклассники сейчас скидывают друг друга ссылки с его текстами. Все слушают, пытаются понять, что он хотел сказать нам... «рука руку моет, но остается грязной»... По ходу надо сдохнуть, чтобы стать популярным... А Юлия Началова... умерла, чтобы ее концерт показали по Первому в прайм-тайм? ...А ведь голос у нее чудесный был, почему ее не замечали раньше?

Сегодня я плачу весь день. Мечтаю только об одном – о поддержке. Но когда тебе поистине хреново, никого рядом нет. У нас на районе забивают спайсы – единственное развлечение, по карману детям среднего класса. Я не хочу, мне бы только поддержки, а дальше сама. Жизнь такая странная штука. Она нам дана, но что с ней делать, никто не знает.

В этот день 10-классница N.N. выпила 14 таблеток снотворного из маминой косметички. Родители обнаружили ее только вечером следующего дня, когда заметили, что девочка не пришла на кухню к ужину. Откачать в скорой ее уже не смогли. Ее хоронили в розовом платье. Это был любимый цвет девушки. Об этом ее мать узнала из дневников N.N., которые перечитала за 3 дня... оказалось, что ее дочь уже год писала стихи и мечтала стать режиссером, еще она хотела, чтобы родители развелись и наконец, перестали мучить друг друга.

На похоронах, когда тельце подростка опускали в землю в дешевом бархатном гробу, к нему склонилась какая-то женщина лет 60-ти и бережно положила в него томик Блока.

– Девочка моя, все поверили так и живут... Но любовь она есть...здесь!, – и прислонила окостеневшие от ноябрьского ветра пальцы к замшевой куртке.

– Что вы имеете в виду?, – спросила заплаканная мать N.N. и прищурила глаза.

– Блока любила она. А вы не знали? Все стихи к месту читала.

– Нет, не знала, – сообщила женщина и со стыдом опустила глаза.

Девушку хоронили с томиком Блока и большим сожалением о том... что нужно порой сдохнуть, чтобы тебя по достоинству оценили.

Девочка в гробу была белая-белая, как снег, не познавшая мужской любви, физической близости, радости материнства.

После похорон ночью мать умершей позвонила незнакомому мальчику по прозвищу Борзый и прочитав ему в трубку строки: «Когда Сашка предложил мне встречаться, я так ей хотела это сказать. Не понимаю, как она это не заметила – мои глаза мерцали, как софиты. ...», долго-долго плакала, ковыряя острой вилкой в остывшем пюре.

Главное, чтобы в окне всегда горел свет...

«Самая секретная формула семейного счастья звучит так: «Мама счастлива – все счастливы». Как вам такой ответ всем кризисам?»

Ольга Валяева

6.23... Д-з-з-з... Противный лучик солнца все-таки прорвался через плотную штору. Еще бы пять минуточек... День будет тяжелым, но завтра – суббота. И я посплю аж до... девяти, ведь это единственный день, когда можно перестирать эту кучу белья в тазу... Направляюсь к ванной комнате и включаю кран. Вода приводит в чувство. Вот уже и глаза окончательно открылись, и руки слушаются. Нужно приготовить завтрак. Машка любит с утра гречневую кашу с молоком, Саша – омлет с ветчиной, а я, как всегда, позавтракаю кофе. Горячим, ароматным, с обезжиренным молоком.

6.55. Завтраки готовы. Прохожу в детскую, бужу дочку. Открывает синие сонные глазки, говорит, что не хочет идти в сад. Так начинается каждое утро.

– А мы сходим завтра в цирк в пять часов? Там будет представление слонят. Это последний день. Потом цирк уедет. И Кирилл пойдет, и Таня, и Оля, и Миша.

Я киваю. В коридоре натыкаюсь на недовольного Сашу.

– Я вас сегодня не подвезу: у меня в восемь совещание, – констатирует он.

– Все нормально, – спокойно отвечаю я, а про себя, конечно, откровенно злюсь.

7.45. Саша позавтракал уже остывшей яичницей, прогрел машину и уехал. Я успела только накрасить глаза, застелить постель, одеть и расчесать Машку. И вот мы уже выходим, закрываю дверь.

– Мама, я писать хочу!

Пришлось вновь проделывать процесс переодевания.

9.15. Слушаю по телефону критику от рекламодателей.

10.30. Чувствую, рабочий день не задался. Выбираю пару минут, чтобы окончить анонс театрального сезона к сдаче номера в типографию, и натываюсь на фотографа Колю. Он, как всегда, светится, весь на позитиве, трогает за плечо:

– Лена, потрясающе выглядишь!

Мне нравится его внимание. Признаюсь – я с ним флиртую. Слегка, иногда, чтобы не забывать, как это делается. Я верна мужу, но по-прежнему нуждаюсь в мужском внимании, особенно когда Саша бывает безразличным и холодным со мной.

Коля уходит. Ловлю на себе завистливые взгляды женщин из информационного отдела. У них всегда открыта дверь, и они, как придирчивое жюри на конкурсе красоты, обсуждают каждую, кто появляется в фойе.

12.30. Голодная и злая, приезжаю со стажером-внештатником с фотосъемок из салона красоты. У него получилось только два кадра. Делаем коллаж со старыми фото вместе. Готовим рекламу. Сдаем.

13.40. Наконец дописываю статью. Несу редактору. После нескольких исправлений он ее принимает. Направляюсь в буфет. Заказываю грибной суп. Звонит подруга Настя.

– Ну что насчет завтра? Ты точно идешь к Кате на стрижку? Я тебя на полпятого записала.

Приходится отказаться, ведь завтра последний день выступления цирка. Катя противится, но все же переносит стрижку на понедельник. Хотя неизвестно, останутся ли у меня деньги после похода в цирк... Да и зарплата только в четверг. А Сашка опять все отдал за кредит. Звоню Гале. Она – в слезах.

– Как он мог, подлец?! Обманул меня! Представляешь, он с той Ритой полгода! Я ему опять поверила. Нет, это не он подлец, а я – полная дура! – сетует Галя и предупреждает, чтобы я тоже не верила мужчинам и обязательно выяснила, действительно ли Саша был вчера на рыбалке. Звоню Саше.

– Я очень занят, – сухо отвечает он.

Отгоняю дурные мысли. Сегодня ровно семь лет, как мы с ним познакомились. Но даже не думаю, что Саша об этом вспомнит. Снова расстраиваюсь.

Обед заканчивается. Еду по заданию редакции на интервью с пожилым, уволенным в запас подводником. Готовим материал к празднику моряков-подводников.

15.25. Звонит Коля и сообщает, что не может приехать на съемку по семейным обстоятельствам. Чувствую, как во мне нарастает негодование. Возвращаюсь в редакцию за фотоаппаратом. Еду на съемку. Делаю фото. Снова – в редакцию. Надо сдать материал до шести.

17.45. Заканчиваю писать интервью. Все корреспонденты уже разошлись. Мертвецки тихо, слышно лишь шарканье уборщицы на первом этаже. Дико уставшая, закрываю лицо

руками.

17.50. Распечатываю интервью. Шеф доволен. Наконец покидаю редакцию. Иду к остановке. Прохожу мимо большого парфюмерного магазина. Внутри – толпа рассматривающих витрины молодых, красиво одетых девушек. И, конечно, меня манят эти сладкие и терпкие, фруктовые и ванильные запахи. Но на покупки уже нет времени. Машку надо забрать не позже... Ой, уже 18.10!

18.40. Выпрыгиваю из душной маршрутки. Бегу сломя голову в сад. На крыльце меня встречает воспитательница Машки и говорит, что ее забрал отец. Иду домой медленными шагами. Вдыхаю прохладный воздух, скольжу по ледяной дорожке вдоль аллеи. Успеваю остановиться и посмотреть на двор нашего дома. Удивительная красота – крепкие ветки деревьев под тяжелым снегом, серебристая площадка, рисунки инея на окнах. Здесь прошли все мои двадцать восемь (я редко вспоминаю о возрасте) лет жизни. Как хочется снова стать студенткой или даже школьницей, окунуться в эту мягкую зимнюю романтику. В радостную отстраненность, в юную беспечность... Ах, мечты... Смотрю на свое окно. У занавесок стоит дочка, машет мне маленькой ручкой. Тороплюсь домой.

19.02.

– Ты почему не кушаешь? Там же еще сырная запеканка осталась, как раз вам с Машкой, – спрашиваю у Саши.

– Я ждал тебя, чтобы ты разогрела, – улыбается муж.

19.50. Вытираю пол: Маша разлила компот. Заодно прибираюсь в кухне. Нестерпимо хочется есть. Все-таки нарушаю правила диеты и готовлю себе овощной салат.

21.05. Принимаю душ. Смываю плотный слой косметики с лица. Чешется лоб. Делаю маску. Чувствую, как утомление растекается по телу. Выхожу из ванной.

– Мама! Почитай мне сказку! – просит Маша.

Заходим в детскую. Открываю книгу, дочка сворачивается котенком рядом. Яркий свет слепит глаза.

21.45.

– Милая, просыпайся! – будит меня голос Саши. – Смотрю, у вас целый час тишина. Захожу, а вы обе спите...

Посмеялись. Саша нежно обнимает меня и ведет в комнату. На столе в вазе стоят мои любимые розовые тюльпаны. Их семь. Зажжены аромасвечи. Играет песня нашего первого танца на свадьбе. На столе вино и конфеты.

И ведь так приятно. Очень-очень приятно. Сюрприз после такого безумного дня. Казалось бы, не золото и не машина, не шуба и не путешествие на Мальдивы. Но порой нам, женщинам, нужно просто внимание. Просто любимые цветы, просто любимая песня, просто свечи и вино... И сердце уже поет. И сразу появляется жадное желание жить, творить, любить!

Что бы ни случилось, как бы тебе ни трепали нервы на работе, как бы ни настраивали подруги или другие мужчины, самое главное – дома тебя ждет семья, которая нуждается в

твоей заботе и любви, в твоём понимании и участии. Главное, чтобы там, в окне, всегда горел свет...

О журналистах

Не иметь ни одной мысли и суметь ее выразить – вот как становишься журналистами.

Карл Краус

Журналист – это человек, который всегда живет не для себя. Как только его впервые коснется человеческая история, он больше никогда не станет прежним. И чем больше таких историй он пускает через себя, тем тяжелее и циничнее он становится. Почти всегда, когда журналист создает человеческую историю, он ощущает щемящую несправедливость жизни и вместе с тем свою собственную беспомощность перед сильными мира сего... в борьбе с этой несправедливостью, даже, если при этом он носит холодную маску осведомленности и уверенности. На самом деле он почти всегда не уверен. На самом деле он всегда сомневается правильно ли он сделал, поможет ли он в действительности тому, кто к нему обратился, сможет ли написать то, что ему сказали слово в слово, не исказив какой-то важной подробности. Или же она уплывет, исправленная под твердым пером редактора.

Журналист порой мнит себя богом, думая, что может помочь там, где не разобрался закон, не вмешались чиновники. Он делает общественное мнение. Оно способно утянуть

массы, свершить самосуд. Но только неизвестно, восторжествует ли справедливость в этом случае. И есть ли она вообще в пределах этой жизни?!

Журналист, который уже вдоволь «наелся человеческих историй» вдруг понимает, что изнурен. Что растёт только его усталость и отстраненность от собственной семьи, ее нужд и забот, а карман не становится толще. И тогда он спрашивает себя – зачем мне жить этой жизнью? В действительности ли я делаю что-то полезное? И стоит ли оно того, чтобы не видеть своих детей сутками. Это называют еще профессиональным выгоранием. То есть потерей цели. Непонятно кому это нужно и зачем вообще, да и еще за маленькие деньги? Именно в такие моменты журналист вдруг уходит в новые выгодные проекты, в рекламу, в «желтуху». У каждого свой «срок службы» и свой, так скажем, «мешок боли», в котором жидется масса этих разных историй...

О русском «авось»

«Если говорить о России, то хотел бы задать Вам вопрос: за что вы бы готовы хвалить это государство? Что предложило оно такого, чего добилось такого, чем можно было бы гордиться? При своем огромном богатстве что это государство дало людям? Нет никакого «западного общества», а есть конкретные страны: США, Франция, Голландия и так далее. В каждой из них есть свои плюсы и минусы, но живем мы с вами в России, а не в Голландии, и лично меня мало волну-

ет то, как живут в Голландии, меня волнует то, как живут в России». Владимир Владимирович Познер

Поговаривают, что аналогов русского слова «авось» нет ни в одном другом языке мира. То есть, «как-нибудь» может сделать только русский человек. Это касается всего. Достаточно просто включить телевизор и взглянуть новости. Стоит дом, рушится, ну, авось «пронесет» и он еще простоит несколько лет, – тогда не надо будет расселять его жильцов по новому адресу, ведь бюджет разворован – там на такую роскошь пока нет денег. В торговых центрах не соблюдены правила пожарной безопасности, на заводах – технической. Дети гибнут, не доходя ста метров до школы от рук педофилов... только потому, что какой-то чиновник не поставил фонари, не снес старые гаражи на этом пути «смерти»... Буквально на днях девочка погибла в детском саду. Ей на голову упала ветка с сухого дерева. Сейчас в школах и детсадах повсеместно рубят деревья. Почему этого нельзя было сделать раньше? До этого трагического случая. Снова «авось». Поэтому мы в России то горим, то плывем, то лишаемся рук или ног. В госучреждениях нет соответствующей охраны. В банках наши паспортные данные может слить преступным группировкам любой клерк. На дорогах все решает только вес твоего кошелька. Нарушил – заплатил. Двойная сплошная или чья-то жизнь, неважно. В сети сейчас мошенников, как грязи. Все так и норовят нажиться на твоей малогра-

мотности в любой сфере. Псевдодоктора, психологи, адвокаты, ораторы, риэлторы. Поэтому в нашей стране, по-моему, каждый должен быть мало-мальским юристом, чтобы хоть как-то себя обезопасить. Или остается быть лохом и вестись на все эти регалии в шапке профиля* и верить информации каждого поста. Верить людям без образования, без квалификации, без сертификации и порой без какого-то либо опыта вообще.

Тот, кто ворует однозначно человек плохой. Другой. Но для себя мы всегда найдем оправдание. Чиновник берет взятки – нехороший. А я, учительница или гаишник, могу ее взять. Ведь у меня такая маленькая зарплата, а мне надо кормить троих детей. А моему брату просто необходимо дать взятку высшему чину – хочет продвинуться в государственной очереди на получение социального жилья, участка, льгот и прочего. А, потом, разгоряченный, на застолье я обязательно скажу: «Что за страна? Везде коррупция! Вот в Саудовской Аравии за воровство отрубают руки!». Ведь есть такой «час спора» в любой русской пьянке, когда просто необходимо поговорить за жизнь, за политику, обличить власть, обхаять президента. Хотя ясно, как белый день: даже самый лучший и грамотный руководитель не способен решить все локальные проблемы, если его подчиненным это невыгодно или не нужно. Один в поле не воин.

На рабочих местах сплошь фальшь. Люди выступают с докладами на скучных конференциях, стараясь показать, как

им важны проблемы людей в городе, деревне, стране, а на самом деле они думают, как скоро закончится рабочий день, сколько он будет им стоить и что сегодня нового они попробуют на столе или в постели. Неужели правда кому-то действительно есть дело до чужих людей? Очень слабо верится в альтруизм. Может только в тот, который удовлетворяет собственное эго. Благотворительность, как способ выглядеть добрым богатым? Чтобы меньше завидовали, меньше посылали зла.

Есть ли что-то настоящее в том, что мы делаем? Или люди – просто цивилизованные звери, думающие только о собственном комфорте и потреблении благ. И в перерывах между едой и сном воюющие за свое место под солнцем.

...Такая наша страна, потому что такие мы. А не власть, не время, не жизнь. Страну, как и мать, не выбирают. Мы лишь выбираем как жить в этой стране.

*Профиль или аккаунт – учетная запись человека в социальной сети, которая раскрывает информацию о нем – где родился, учился, работал, его семейное положение, вероисповедание, ценности и прочее.

О дружбе

Дружба довольствуется возможным, не требуя должного.
Аристотель

Хочется побыть с другом? Хочется. С тем, кто не будет жалеть или завидовать, а просто выслушает, поймет, приободрит. Не так, чтобы посмеяться, не так, чтобы позлорадствовать, не так, чтобы ощущать себя спасителем. А просто, чтобы тот человек, голос в телефонной трубке, сорвался с любой точки города и просто приехал обнять тебя. Чтобы он был лучиком... но таким, который не захотелось бы отгаливать, когда он начнет припекать. Чтобы его тепло не душило, а грело. Где твой статус – не мерило.

Друзья... нам говорят в детстве... что надо уметь дружить. Что дружба – это не распитый коньяк на двоих. А помощь в трудную минуту. И умение искренне радоваться за другого. Дружба... дружба... а есть ли она? Та, от которой нет выгоды, та, где неважен твой статус. Дружба, как единение душ, как танец, в котором танцуешь, не думая о точности выбранных движений. Дружба, как категория бытия. Необходимая. Друг, как умелый пианист, чувствует тебя.

Люди... не хорошие и не плохие, а ты правильно умеющий к ним относиться. Тебе звонят. Выжидаешь несколько гудков, типа ты занят. Потом радостно ведешь диалог. Врешь, что «дела отлично». Когда идеальный друг не спросит «как дела», он знает о тебе все. В каком настроении проснешься и что завтракаешь. А если не знает, то зачем интересоваться? Таким ты уж точно не скажешь правду. «Пиши, звони!», говоришь эту фразу, зная, что тебе позвонят, лишь позвав весело провести время. И ты уже не интересен, когда не вы-

даешь искрометных шуток, когда ты не «душа компании». Возможно, твоя душа сегодня вообще пуста. И смешить никого не хочется, а хочется, например, реветь... И вместе с тем быть нужным...и молчать вместе без напряжения...

О бродячей жизни

«Если ты пьешь с ворами, опасайся за свой кошелек.

Если ты ходишь по грязной дороге, ты не сможешь не выпачкать ног».

Наутилус Помпилиус

Однажды ночью... он очнулся от ноющего холода в коленях и понял, что спит на улице у входа в какую-то ветхую лачугу. Дышать было трудно, и даже совсем не было сил на вдохи. Хотелось есть, да так сильно, до головокружения. От ступней до лица он словно превратился в огромный журчащий желудок, требующий пищи... хоть какой-нибудь, хоть сырой картошки... Руки его желтые-желтые, кончики ногтей черные от грязи, каждая ниточка рисунка, тянущаяся по ладони, пропитана асфальтовой копотью... самой кожи не видно. На нем мешковатый серый свитер и темные брюки, ботинки, куртка... Все очень большое, будто с чужого плеча, и жутко вонючее... Запах просто отвратительный, тошнотворный, резкий и ничем не заглушимый.

Светает, сейчас где-то полпятого утра...

Как этот парень здесь оказался? Морщится от боли и пла-

чет совершенно слепыми глазами. Выбирается на улицу, боится увидеть в витринах магазинов свой облик, осознавать во что превратилось его лицо. Так голоден, что не может идти. Прошел час, может, два. Он в чужом городе, без денег и документов. Кто он теперь? Ему навстречу шелестящим потоком спешат люди. Осеннее дождливое утро. Одни смотрят на него осуждающе. Другие сочувствующе. Третьи поджимают губы так, словно лизнули кафель в общественном туалете. Жалость – это самое низкое, что может испытать один человек к другому. Люди стали такими глухими к чужим бедам, твердолобыми и толстокожими. Бездомный чувствует, как неторопливо и верно силы покидают его ноги. Парень осторожно передвигает их, но с каждым последующим шагом идти становится все невыносимее.

Умирает, наверно. От голода. Вглядывается в необъятность неба последний раз, в эти величавые деревья и распахнутые глаза домов, в который горит свет. За ними завтракают, целуются, за ними теплота и уют... там жужжат телевизоры и пылесосы.

Почему люди становятся бродягами?...

...Большинство спиваются. Нищие, никому не нужные они слоняются по улицам и пьют, пьют, умирают... Именно поэтому люди так не терпимы к бродягам. Некоторые оказываются втянутыми в жилищные аферы, обманутые черными риэлторами. А если некому помочь? Нет сил на доказательство? А другие, как бы абсурдно это не звучало, вырывают-

ся на улицу, как на волю, ощущают себя свободными, ничем не ограниченными странниками. Дромоманы. Странно это все, дико... Почему в самой большой стране мира, в нашей великой российской державе, пережившей так много войн, революций, бунтов, на улицах и вокзалах ночуют 4 миллиона бомжей?..